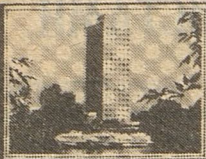

Островские и

1984

Голос Рига
г. Рига

29 сеп. 84

В субботу вечером

«Я ЖИЛ БЫ ЖАДНО, ДО БЕЗУМИЯ!»

«Всех своих мечтаний я не выразил бы и в десяти томах» — говорил Николай Островский. Мечты эти были, по его собственному признанию, одной из чудесных зарядок, помогавших ему жить, и самая фантастическая из них всегда оставалась жизненной, земной. Глубочайшей из всех была его мечта о счастье и свободе всех народов, о жизни, достойной человека. Мечты беспредельны. И в основе всех их лежит мысль о том, что самое большое, настоящее счастье заключается в том, чтобы стоять в строю борцов за создание новой жизни.

Иногда Островский думал о том, что бы он сделал, если бы к нему вернулось здоровье. И тогда он мечтал: «Я, молодой, стройный, здоровый парень мысленно одеваюсь, выхожу на балкон и вижу перед собой всю жизнь... Что было бы? Я не мог бы просто пойти, я побежал бы стремительно и неудержимо. Может быть, побежал бы в Москву рядом с поездом, схватившись за вагон. В Москве пришел бы на завод и прямо в кочегарку, чтобы скорей открыть топку, швырнуть туда добрую порцию угля. О, я дал бы шесть тысяч процентов — семь тысяч процентов выработки... Я жил бы жадно, до безумия!..» Такова была сверхэнергия духа Островского, беспримерного его жизнелюбия.

Комсомольцы 30-х годов, те, кто боролся в революционном подполье Латвии, вспоминают, что роман Н. Островского «Как закалялась сталь» переписывался в тюрьме на папирусной бумаге карандашом под

копирку, для того, чтобы дать возможность прочитать эту книгу другим товарищам.

С думой о подвиге Павла Корчагина, о великом назначении человека, рос славный сын латышского народа Имант Судмалис, отдавший свою жизнь в борьбе с фашизмом.

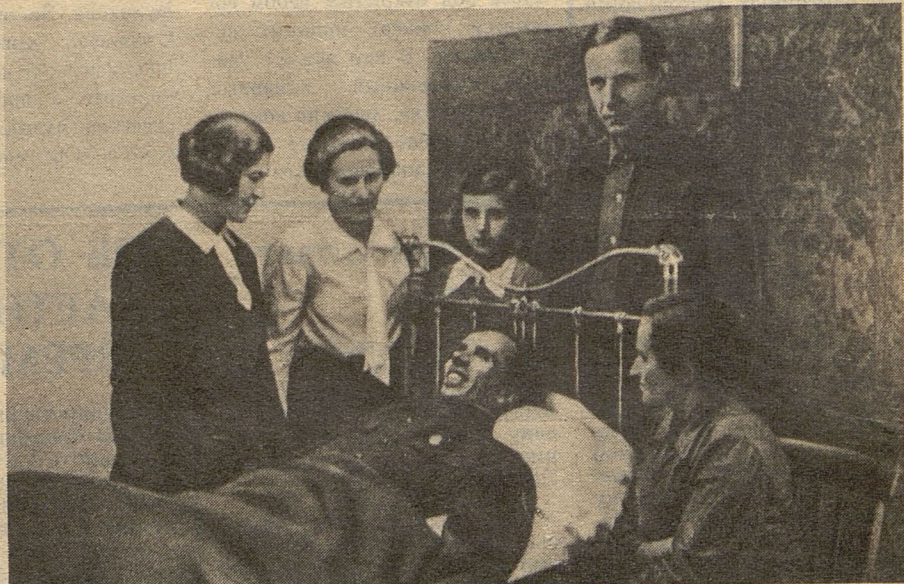
Первое собрание молодого гвардейцев в Краснодоне началось с чтения отдельных глав

чагина. Я вот, например, прочитав книгу Островского, решил бросить курить, как это сделал Павка... и бросил...!

В зале раздался одобрителный смех.

— Это для начала, — продолжал, смутившись, Айвар, — и улыбка оживила его лицо.

«Для начала...». Трудно проследить порой, как из малых дел вырастают большие, как

На снимке: Николай Островский с родными в день вручения ему ордена Ленина. (Сочи, 1935 год).

из книги Николая Островского.

Книга Островского питала мужеством благородное сердце Юлиуса Фучика и Мусы Джалиля...

Бессмертный образ писателя-борца появляется там, где он более всего необходим — на передовой линии огня и больших испытаний, там, где нужны воля, мужество, стойкость, любовь и ненависть.

— Он не легендарный герой — одиночка, возвышающийся над людьми, — говорил сероглазый школьник Айвар Калнынь. — Он нам потому так дорог и близок, что кажется подтянись — и будешь похожим на него. Ведь это в наших силах равняться на Кор-

формируется человеческий характер. Должна сказать, что Айвар Калнынь вот уже третий год в числе лучших ударников работает на БАМе. Это только один из тех, в душу которого были брошены рукой мужественного писателя добрые зерна, давшие свои всходы.

...В комнате Николая Островского в Москве все осталось так, как было при его жизни. Лампа завешена, чтобы свет не падал в лицо. Кровать аккуратно прибрана. На письменном столе стопки книг, телефон... Хозяина нет. Он ушел навсегда, но не в мрак небытия.

Он с нами — в строю!

Т. Ридзинь.